

УДК 94(477.75+495)"18"

С. А. ПИНЧУК*

**БАЛАКЛАВСКИЙ ГРЕЧЕСКИЙ ПЕХОТНЫЙ БАТАЛЬОН
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

*Прибрежье бурного Эвксима
Сыны Эллады стерегут:
Неодолима их дружина
И неподкупен Арнаут.
У караульни стройно, чинно,
Как рыцарь в повести старинной
Пред заколдованным дворцом,
С ружьем он ходит молодцом!
Его глаза всмотрелись в море,
Как соколиные блестят,
Гуляют на его просторе –
И трепетной добыче горе
Иль смерть нежданную сулят!¹*

Появление русской эскадры под начальством адмирала Спиридова у берегов Морей в феврале 1770 г. дало мощный импульс для приобщения местного греческого населения к действиям против турок на суше и на море. Добровольцы в основном прибывали из трех географических пунктов: островов Греческого Архипелага, горных областей Мани (Пелопоннеса) и Химары (южной Албании, где традиционно проживали греки и православные албанцы). В период 1770–1774 гг. греки принимали участие практически во всех морских и сухопутных экспедициях русского флота в Средиземноморье. Они составили костяк так называемого Албанского войска, переселившегося в Россию². До начала XIX века это подразделение еще дважды изменит свое название, чтобы окончательно войти в историю под именем Балаклавского греческого пехотного батальона, уникального воинского формирования в составе русской армии. Просуществовав более 80 лет, вплоть до 1859 г., он сыграл важную роль в колонизации и освоении Крыма и Кавказа.

В боевой летописи батальона, пережившего немало структурных перемен, было шесть военных кампаний, в которых принимала участия Россия в конце XVIII–XIX в. О подвигах балаклавского греческого батальона сложены легенды. Отличительной особенностью балаклавцев была их многофункциональность. Военнослужащие батальона хорошо зарекомендовали себя как на суше, в том числе в условиях высокогорья

* Пинчук Сергей Александрович – историк.

(Крым, Кавказ), так и на море во время проведения десантных операций. Все они были приучены с детства “к беганию по горам, к езде верхом, к пехотному и артиллерийскому действию и к различному мастерству”³. Созданная в батальоне система непрерывного военного обучения шире непрерывной военной жизни – от школы кантонистов, куда в 7–10 летнем возрасте поступали дети балаклавцев, до их зачисления на службу нижними чинами, – позволяла готовить высокопрофессиональные военные кадры. В то время как старослужащие в экстренных случаях всегда могли выставить резерв. Именно эти ветераны дали достойный отпор англичанам во время героической обороны Балаклавы осенью 1854 г. “Солдаты эти, – как впоследствии писал крымский историк Василий Кондараки, – по воспитанию стояли выше армейских офицеров нашей пехоты”⁴. Ближайшим аналогом Балаклавского греческого пехотного батальона могут считаться национальные подразделения сипаев, рекрутировавшихся англичанами в колониальной Индии, и зуавов, военнослужащих легкой пехоты во французской армии, части которой формировались, в основном, из жителей Северной Африки.⁵ Однако в отличие от сипаев и зуавов балаклавцы не были профессиональными наемниками или просто ландскнехтами – они верой и правдой служили своей новой Родине.

Сохранились воспоминания Феодосия Ревелиоти, командира Балаклавского греческого батальона, о первых шагах становления новой боевой единицы русской армии. Они были записаны статским советником А. Я. Фабром из уст самого Ревелиоти, очевидно, между 1829 и 1831 гг. (25 июня 1829 г. Ревелиоти было присвоено звание генерал-майора, а в 1831 г. он вышел в отставку).⁶ По словам Ревелиоти, греки “оставили свое Отечество, пошли под русские знамена и составили морское ополчение под названием Греческого войска, коего первым начальником был майор Константин Чапони. По окончании кампании императрица Высочайшим рескриптом на имя графа Орлова, данным от 28-го марта 1775 года, пригласила греков, оставшихся из ополчения, поселиться в России. Она даровала им охранную грамоту, в которой утверждалась льгота от податей и повинностей на 30 лет⁷. Из них часть составила Греческий пехотный полк; прочие же поселились для земледелия и промыслов в Керчи, Ениколе, Таганроге и в окрестных ими заведенных селениях под названием Албанских; греки получали сначала и денежное пособие от казны (22,374 р. в год), которое в последствии времени заменено дарованием земель; военную службу несли наравне с поселенными полками, в особенности по охранению берегов Черного и Азовского моря”⁸. В 1784 году Албанское войско перевели в Крым и поселили на отведенных землях при г. Балаклава, которую предписывалось: “...исправляя, как она есть и содержа стражу ее поселенным тут Греческими войсками”⁹. И. М. Муравьев-Апостол,

дипломат и переводчик, посетивший Балаклаву в 1820 г., зафиксировал рассказ одного “спартанца” о том, как состоялось перемещение греков из Керчи в Балаклаву: “...посланные оттуда через Арбатскую косу к Каффе они оттуда без милосердия гнали бедных татар вдоль сего южного берега и конечно бы загнали их в море, если бы мир не настиг гонителей в Балаклаве”. После вытеснения татар начался процесс переселения греков, растянувшийся на несколько лет. В августе 1779 г. по предложению князя Потемкина, занимавшего пост военного министра, Албанское войско было переформировано в Греческий полк.¹⁰

В то же время льготы и земельные наделы не компенсировали хроническую задержку с выплатой жалования, материальное положение военнослужащих батальона и их семей граничило с нищетой. “Албанской команды военнослужители претерпевают крайнюю нужду, – жаловался в рапорте к князю Потемкину Константин Чапони, второй командир Греческого полка, в декабре 1785 г., – ... людей не прибывает, а более ис команды умалется”¹¹. Более того, часть греков, поселенных в Таганроге, чтобы хоть как-то прокормить себя и свои семьи, возделывали землю. Они категорически отказывались переселяться в Балаклаву до сбора урожая, требуя выплаты жалования, которое им задолжала казна с января 1784 г.¹² В свою очередь “светлейший” переадресовывал просьбы греков местным властям, рекомендуя им разобраться, “какие и в чем именно имеет войско недостатки”, и принять, по возможности, меры. Но и через три месяца, к марту 1786 г. без жалования, согласно рапорту Чапони, кроме офицеров продолжали оставаться еще 44 капралов и сержантов и 190 рядовых. В этих условиях Потемкин был вынужден пойти на радикальные меры, резко сократив выплату жалования из “албанских сумм” Кригс-комиссариата (интендантства) исключительно тем военнослужащим, которые служили на флотилии в Архипелаге и имели соответствующие аттестаты. “Всех прочих, кои в оном окажутся не из архипелажских греков, – указывал он, – необходимо ...исключить из той команды и обратить их в таврические поселяне”¹³. Мы полагаем, что это решение повлияло на сокращение Албанского войска с 8 рот до нескольких сотен человек.

Заканчивался “золотой век” Екатерины – блистательных побед русского оружия, территориальной экспансии, просвещенного абсолютизма и провального экономического администрирования. Как и после Петра Великого страна и армия оказалась на грани финансового коллапса¹⁴. Екатерина оставила своему преемнику огромный долг (около 200 млн. рублей), равный трём годовым бюджетам, и постоянный дефицит госбюджета – проблема, с которой не мог справиться и Павел I.¹⁵ Греки в условиях хронической задержки с выплатой жалования были вынуждены самостоятельно добывать себе пропитание, занимаясь торговлей и земледелием. В Санкт-Петербурге с раздражением отме-

чали, что батальон "...не отправляет никакой службы, а составляющие оный большей частью разъезжают по городам для своих промыслов".¹⁶

Только к началу правления императора Павла I жизнь Греческого полка вошла в нормальное русло. В результате реформ Павла, отличавшегося страстью к "мелкостям" военной службы и бюрократии, были заложены организационно-правовые основы строительства Балаклавского батальона. 30 января 1797 г., буквально через полтора месяца после восшествия нового императора на престол, вышел именной указ, в котором впервые прозвучало название "греческий батальон"¹⁷. А уже 13-го апреля этого же года полк был приведен в трехротный состав (всего 346 чел.: по 100 рядовых на каждую роту и по 10 унтер-офицеров) и под названием Греческого пехотного батальона подчинен Государственной Военной Коллегии (так тогда называлось военное министерство). Этим же указом была официально утверждена и форма батальона, просуществовавшая до 1830 г.: "Мундиры всем чинам иметь собственные цвета зеленые с красным, по апробированному образцу, вооружение же и амуницию такие, какие по их обычаю употребляются, также собственные". Для ежегодного содержания офицеров и рядовых из казны была определена сумма в размере 14.571.30 руб. При этом командиру батальона полагалось жалование в размере – 460 руб., офицерам от 200–340 руб., унтер-офицерам – 57,60 руб., нижним чинам – 28.80 руб. Дополнительные 16.132.97 руб. предназначались для обеспечения батальона медикаментами, бумагой и сургучом "для подачи рапортов и производства дел", а также для закупки провианта "в натуре" – муки и крупы¹⁸. Осенью 1797 г. последовал следующий указ, согласно которому "денежное и хлебное жалование должны получать только те, кои настоящую службу исправлять будут, и в оной действительно останутся". Этим же рескриптом балаклавцам были выделены земельные наделы "по берегу моря в пристойных местах"¹⁹. С этого времени за батальоном закрепилось название Балаклавский. Оно не было утверждено официально, а являлось данью традиции, по которой русским полкам присваивались название либо по месту их формирования, либо дислокации.

С начала XIX в. Балаклавский греческий пехотный батальон и его аналог из Южной Пальмиры, Одесский греческий батальон, участвовали в событиях очередной русско-турецкой войны, которая велась с небольшими перерывами с 1806 по 1812 гг. Вопреки мнению ряда современных авторов (Кибовский, Леонов²⁰), утверждающих, что Балаклавский батальон был задействован "во всех десантных операциях русско-турецкой войны", действия греков носили эпизодический характер и не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния на ход военной кампании.²¹ Этот вывод не сложно проверить, сопоставив работы дореволюционных историков, в которых подробно описаны

сражения, проходившие на Дунае и Кавказе: А. Н. Петрова, А. М. Михайловского-Данилевского, Д. П. Бутурлина и П. И. Савваитова²². Так, в капитальном труде крупного русского военного историка Андрея Петрова “Война России с Турцией 1806–12 гг.”, составленном им в период работы библиотекарем Генерального штаба, содержится огромный фактический материал военно-ученого архива. Петров скрупулезно привел в книге данные обо всех войсковых подразделениях когда-либо принимавших участие в морских десантных операциях во время этой кампании. Греки среди них отсутствуют. Единственным исключением явился краткий эпизод осени 1810 г., связанный с походом Черноморского флота к азиатским берегам. Ради объективности мы не можем не упомянуть, что другой военный историк – Михайловский-Данилевский – включил некий “батальон греческих полков” в список военных частей, принимавших участие весной 1807 г. в экспедиции черноморской эскадры под начальством контр-адмирала С. А. Пустошкина к турецкой крепости Анапе²³. Тем не менее, эта информация не нашла документального подтверждения в ходе изучения формулярных и именных списков офицеров, унтер-офицеров и рядовых Балаклавского греческого пехотного батальона за 1812–1813 гг., отложившихся в Российском военно-историческом архиве в фонде 489. В них в графе “во время службы находился в походах и делах против неприятеля, где и когда был” четко фиксировалось участие военнослужащих в боевых действиях. Чаще всего в подобной колонке фиксируется типовая запись: “789, 790 и 791 на флоте Черноморском в компаниях и сражениях были”. Только в пяти случаях из почти 394 человек нами были выявлены локальные свидетельства об их участии в военных действиях более раннего периода. Например, в формулярном списке унтер-офицера Ивана Михайлова сына Марио, 32 лет, указано, что он был в “809 на флоте Черноморском при взятии города Анапа и при атаке города Платана и Трапезонта 810 – при анадолійских берегах” (л. 93)²⁴. Второй – рядовой Афеңдило Данило, который в “809 при флоте и сражениях при анадолійских берегах был”.²⁵ Приблизительно в такой же редакции, – “809 на флоте Черноморском в кампаниях и сражениях был”, – мы находим аналогичные записи в формулярных делах Панаюти Георгиева сына Цагули, 45 лет,²⁶ Михайлы Маноилова сына Маноиди, 33 лет²⁷, Дмитрия Дмитриева сына Афи́нео, 40 лет и Лазаря Анастасиева сына Димитрия, 32 лет.²⁸ Эти записи, на наш взгляд, скорее исключение из правил, чем подтверждение факта участия всего батальона в боевых действиях в 1806–1809 гг. Что же касается данных военнослужащих, то вполне вероятно, что они могли привлекаться в качестве “охотников” или переводчиков, прикомандированных к другим частям. Наша версия подтверждается записью в формулярном деле подпоручика Аргирия Евстафьева сына Цакни, который в 1807 г., когда флот “следовал

для взятия крепости Анапа”, был послан “от брегадного начальника по секретной экспедиции, которую исполнил исправно”²⁹. Соответственно, отпадает предположение, высказанное В. Х. Казимым в хронологическом сборнике “Казачьи войска”, о том, что “Балаклавский Греческий батальон имел Георгиевское знамя, вероятно, за взятие Анапы 1807”.³⁰

Все же “понюхать пороху” балаклавцам в русско-турецкую войну довелось. Но далеко не всем. В сентябре 1810 г. 2 обер-офицера и 33 пехотинца Балаклавского батальона (1/10 численности всего подразделения) под руководством своего командира Феодосия Ревелиоти, начавшего свою службу еще в 1787 году во флотилии знаменитого екатерининского корсара Ламбро Качиони, были включены в общий состав десантной группы генерал-майора С. Г. Гангеблова.³¹ В нее, помимо греков, входили два батальона Эстляндского, два 12-го и один 4-го егерских полков, а также 200 пеших казаков и полурота легкой артиллерии. Флот с десантом вышел из Севастополя 28 сентября 1810 года по направлению к Трапезунду. Эта военно-морская операция чуть было не закончилась полным провалом, который Михайловский-Данилевский деликатно назвал “безуспешным покушением на Трабизонд”. Ревелиоти при огневой поддержке с двух фрегатов смог высадиться на берег в Платанской гавани, неподалеку от Трапезунда, и с боем овладеть турецкой батареей. Турки окружили десант, отрезав его от берега, не дав высадить подкрепление: “Тогда Ревелиоти ударил в штыки и проложил к себе путь к судам, потеряв при этом 87 человек, убитыми, ранеными и взятыми в плен”³². В формулярном списке Ф. Ревелиоти, составленным с его слов и подписанным им лично, это сражение описано следующим образом: “Октября 17-го дня отправился с препорученным отрядом для десанта гребными судами на анадольский берег к Платану, где с всевозможною поспешностию сошедши на берег выгнал неприятеля из закрытых кустарниками скрытных ложементов, и, поражая онаго, невзирая на превосходную силу коего было более четырех тысяч человек, напал на неприятельскую батарею из трех пушек состоящую, сбил с оной неприятеля. При нападении (на) оную, заклепав пушки, при взятии которой батарееи ранен двумя пулями в правый бок и одною в правую руку, потом возвратившись с флотом в Севастополь 29-го Октября и прибыл к баталиону”.³³

Малозначительную роль в русско-турецкой войне, несмотря на храбрость отдельных солдат и офицеров, сыграли и греки Одесского батальона. В 1807 г. батальон, насчитывавший в то время только 165 нижних чинов, что соответствовало численности всего лишь роты армейского пехотного батальона, под командованием майора Константина Патераки отправился в Бессарабию.³⁴ В составе отряда Ланжерона греки сражались у Туртукая и на острове Четал, где были “почти ежед-

невно с неприятелем в перепалках”. В 1807 г. Одесский батальон был помещен в крепости Килия на флотилию из 5-ти военных кирлашей и принимал участие в штурме Измаила. С 1810 по 1812 г. чины батальона находились на флотилии при Галаце, содержа брандвахтенные посты, прикрывавшие килийское устье Дуная³⁵. Таким образом, встает вопрос о пересмотре и адекватной переоценке роли греков в этих событиях, не умаляя при этом их реальных военных заслуг.

Анализ всех вышеприведенных фактов, убеждает нас в том, что Балаклавский батальон в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и впоследствии десятилетия в основном использовался для карантинно-пограничной охраны и обеспечения тыла южных рубежей империи. Эта задача представлялась военному и гражданскому руководству Новороссии более значимой и актуальной, чем участие малочисленного греческого подразделения в морских десантах и крупномасштабных сухопутных операциях. Рапорты и отчеты Феодосия Ревелиоти, командовавшего батальоном с 1809 по 1831 гг., подтверждают правильность нашей гипотезы. В 1830 г. он составил обстоятельное письмо на имя царя, изложив в нем все наиболее значимые события своей долгой военной карьеры. По словам Ревелиоти, в “1807 года во время бывших в Крыму военно-политических обстоятельств употреблялся в оные по препорученности Адмирала маркиза Детраверси и сверх того имел в распоряжении своем все по Южному берегу Черного моря от Севастополя до города Феодосии кордоны и посты”.³⁶ Действительно, с самого начала войны управляющий Херсонской губернией, генерал-лейтенант Дюк Ришелье был серьезно обеспокоен охраной черноморского побережья на случай возможного вторжения турок. В своем рапорте № 64 от 6 января 1807 г. на имя военного министра он изложил свои соображения, указывая, что при малочисленности Черноморского флота, насчитывавшего всего 7 кораблей с небольшим числом фрегатов (большая часть флота была направлена в Средиземное море), необходимо обеспечить оборону Крыма при помощи сухопутных войск. В итоге по проекту генерала от инфантерии А. С. Феньша³⁷ было решено “иметь в общем сборе отряд из 5000 человек для быстрого его передвижения к тому пункту, где окажется надобность”. В состав подвижного отряда входили Эстляндский мушкетерский полк, 2 батальона Полтавского, по одному батальону 22 и 12 егерских полков и 6 гарнизонных батальонов, включая Балаклавский греческий пехотный батальон. Отряд, разделенный на две части, был размещен в Карасубазаре, рядом с административным центром управления Крыма Симферополем. Выбор Симферополя был продиктован не только потому, что в нем находились “значительные казенные суммы”, а потому, что из него можно было оперативно “в два перехода попасть к любому пункту на южном берегу Крыма или к Севастополю”, чтобы соединиться с местными войсками,

надзиравшими за береговой линией.³⁸ Размещённые по кордонам, греки несли гарнизонную службу, выделяя в дневное и ночное время суток отдельные команды для караулов, разъездов для подвижного осмотра местности, расставляли секретные дозоры. Даже такой скептик, как военный министр, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли, в феврале 1810 г. отмечал, что “греки, держа кордонную стражу, могут с лучшею пользою употреблены на другие предметы, более им сродные и приличные”³⁹.

Кроме гарнизонной службы, балаклавцы занимались и сугубо мирным ремеслом – “они время от времени, среди скал южного берега строили лодки и суда, для прибрежного плавания способные, до сих пор именующиеся *балаклавскими*”. В 1811 г. предприимчивый Ф. Ревелиоти обратился к губернатору края Ришелье с дозволением “людям сего войска заниматься кораблестроением, мореходством и торговлей”, как ремеслом, к которому “они издавна охочи, подобно прочим их Архипелажским единосемцам”.⁴⁰ Герцог, стимулировавший развитие “российского судостроительства”, не только не дал свое согласие, но и просил “поощрять между греками столь полезные предприятия”⁴¹. Есть косвенные сведения, что помимо строительства судов и рыболовства балаклавские греки в свободное от службы время промышляли и каботажным мореходством, перевозя различные грузы между портами Черного и Азовского морей.⁴² Нередко им приходилось выступать и в роли спасателей судов, терпящих бедствие в прибрежных водах: “... быстро в лодках по водам они летают здесь и там, как эллины Архипелага не сводят с моря зорких глаз – и погибавшим много раз была спасеньем их отвага”⁴³.

Опишем, как была устроена жизнь самой Балаклавы и его обитателей. В первой четверти XIX века город состоял всего “из 60 домов, расположенных в одну линию по пологому берегу моря, обитаем одним Греческим баталионом”.⁴⁴ Ревелиоти в своих регулярных отчетах называл его “местечком Балаклавой Симферопольского уезда”, избегая употреблять слово “город”. Любопытно, что однажды, видимо, желая подчеркнуть образцовый порядок, царивший в Балаклаве, подписал свой рапорт “Таврическая губерния, Симферопольского уезда, благополучная Балаклава”. В 1803 г. в Балаклаве по статистическим данным, собранным офицерами Генерального штаба, без учета служащих батальона (“окроме военнослужителей”), проживало 995 душ мужского и 698 женского пола.⁴⁵ Устройство домов и сам быт поселян, очевидно, воспроизводил типичную среду обитания их греческих предков, выходцев с островов Архипелага и Мореи. Прямо в открытых лавках готовили пищу и продавали нехитрую снедь. В городе было чуть больше 20 лавок, исключенных от оброка с тем, чтобы доход от их коммерческой деятельности поступал на “общественные городские надоб-

ности”⁴⁶. Стоит отметить, что в начале XIX в. это был второй город в Российской империи, после Мариуполя, где население говорило исключительно на греческом языке. Балаклава, а также окрестные селения управлялись батальонным командиром Ф. Ревелиоти, отличавшегося отменным гостеприимством⁴⁷. “Вот я нахожусь теперь у заслуженного, израненного⁴⁸ начальника Балаклавы и Греческого батальона Ревелиотиса, как у себя дома; и точно так, сказывают, он всех заезжающих у себя принимает; рад служить всем, что имеет; и вся семья его старается как бы лучше угодить и чем бы лучше угостить”, – так передавал свои впечатления от знакомства с Ревелиоти и его семейством Иван Муравьев-Апостол. Столичный гость оставил следующее описание дома Ревелиоти: “чистенький веселый домик его стоит на конце города, на восточном берегу узкоустой гавани, которая будучи стеснена между двух высоких гор, сходствует более с рекою, чем с заливом морским”. С южной стороны дома Ревелиоти, по словам Муравьева-Апостола, открывался изумительный вид на Генузскую башню. В этом же году еще один путешественник из Петербурга, писатель Гавриил Гераков (*Гераки*) посетил Крым, где остановился у Феодосия Ревелиоти, своего давнего знакомого. Еще в 1800 г. Ревелиоти, находясь по делам в столице, нередко бывал у Геракова, своего земляка, воспитанника Гимназии для чужестранных единоверцев в Петербурге. В разговоре с хозяином дома Гераков затронул чувствительную тему освобождения исторической родины. Ревелиоти, по словам, Геракова, со вздохом отвечал, “все будет по старому в Греции; только бы российский монарх восхотел двинуть часть войск своих против агарян, и мы бы увидели вскоре возродившихся Сократов, Периклов, Эпаминодов – слезы, катящиеся из огненных очей его, воспрещали продолжать – мы обнялись и пошли обедать”⁴⁹. Это была настоящая греческая традиционная кухня: “суп *еварлакья*, *яхни*, *долмадес*, *кефте*, *ангинарес*, *псицо*, *кюлтасти*, *егурти*. Товарищу моему, – как отмечал Гераков, – почти воспитанному в чужих краях и на французской кухне возросшему, понравились греческие кушанье. Фрукты и вина, все не купленное, а домашнее, и все очень хорошее”⁵⁰. Гостей угощала жена Ревелиоти, “женщина умная, из фамилии Клендо”. Чистотой и уютот отличались дома и простых солдат батальона. Олимпиада Шишкина, посетившая Балаклаву спустя 20 лет, в 1845 г., посетила жилище двух отставных солдат, чье время службы пришлось как раз на первую четверть XIX в. Ветераны батальона жили вчетвером на маленьком дворике: “у каждого особое крыльцо, около которого, по связанным веревками кольями, вьется виноград со множеством плода, теперь еще зеленого; прелестное убежище от жары, какого в наших краях не может иметь ни один богач. В верхних горницах нет потолка; прямо кровля, как и стены, хорошо выбелены; вообще все очень чисто, хотя пол и земляной. Лучшее убранство – образа, пред

которыми горят лампы”. Шишкина отмечала демократичность балаклавских греков, набожность, что “облагораживала их движения”, простоту и одновременно изысканность их пищи, состоящей в основном из рыбы и овощей. Еще одной традицией балаклавцев было бережное отношение к оружию, передававшемуся из рук в руки на протяжении нескольких поколений. В 1820 г. Муравьев-Апостол описывал часового Балаклавского батальона с “длинным албанским ружьем в руках, с таковыми же саблею и висящим подле нее пистолетом”. Эти же “албанские ружья”, четверть века спустя, заметила Олимпиада Шишкина: “после обеда, услужливый хозяин позвал унтер-офицера Греческого батальона в полном вооружении, которое они должны иметь собственное. За плечами у него был в сумке турецкий пистолет, доставшийся от прадеда вместе с саблею, украшенною серебряною чеканкою, и он держал албанское ружье, длиннее русских, и не одинаковое с солдатскими”.

Новые перемены в устройстве жизни балаклавцев произошли в 1810 г. – батальон был переведен в разряд военного поселения, особой административной единицы, подчинявшейся гражданским и военным властям. Этому решению предшествовал непростой этап аппаратной борьбы. Министр военно-сухопутных сил М. Б. Барклай де Толли, категорически настаивавший на ликвидации батальонов или их переподчинению МВД, был вынужден уступить под давлением влиятельного генерал-губернатора Новороссии герцога Ришелье⁵¹, чью позицию в конечном итоге поддержал царь.⁵² На заседании Комитета министров 9 ноября 1810 г. статс-секретарь Александра I П. С. Молчанов объявил окончательную волю государя: “чтобы означенные греческие батальоны не были исключаемы из военного ведомства, но были обращены в военные поселяне”⁵³. Начало русско-французской войны не принесло существенных изменений в деятельность греческого батальона, продолжавшего выполнять те же пограничные функции. В 1812 году греки содержали кордоны по берегам крымского полуострова от города Севастополя до деревни Алушта на расстоянии 220 верст. По решению властей Таврической губернии, “некоторым нижним чинам” было позволено проживать в городах, однако все они, согласно донесениям своего начальства, умудрялись отбывать службу и содержать кордоны по Южному берегу Крыма. Согласно месячному строевому рапорту командира батальона майора Ф. Ревелиоти от 1 февраля 1812 г., в нем, “на лицо”, числились 6 штаб-офицеров, 42 обер-офицера, 88 унтер-офицеров и 297 рядовых нижних чинов (4 были отнесены в разряд “нестроевых”⁵⁴. Структурно батальон состоял из трех рот, насчитывавших в среднем по 100 рядовых (рота “подполковничья”, рота “вакантная” и рота “Васильева”). Первой командовал сам Феодосий Ревелиоти, второй – штабс-капитан Феофил Курчили, “из беломор-

ских греков”, третьей – поручик Христофор Васильев, уроженец “острова Мореи”. Военнослужащие батальона располагали собственным “оружием разных калибров”, а на каждого десятого человека полагалась “подъемная лошадь” для перевоза тяжестей, запасной провиант состоял из сухарей. Порох для учебных стрельб батальон получал от ахтырских артиллерийских гарнизонных рот.

Приведем краткие характеристики старшим офицерам батальона. Его командир Федосий Ревелиоти, “из дворян Мореи”, родился в 1766 г. в г. Триполица, историческом центре Пелопонесса. Осенью 1787 г. он поступил на русскую службу прапорщиком на знаменитое судно “Минерва” гребной флотилии, которой командовал полковник Ламбро Качони. В 1797 г. Ревелиоти был переведен в Балаклавский греческий пехотный батальон с “награждением капитанским чином”, а с ноября 1809 г., после увольнения в отставку предыдущего командира, майора Христо Кирико⁵⁵, возглавил его (*Подробнее см. Приложение 1 и 2 к настоящей статье*). Вторым по значимости среди обер-офицеров батальона значился капитан Иван Павлов сын Мина, 45 лет, “из греческих дворян города Загора”. Поручиком в апреле 1789 г. он был зачислен на Средиземноморскую эскадру подполковника Ламбро Качони, затем почти два десятилетия прослужил в Одесском греческом пехотном батальоне. В 1807 г. Мина участвовал в сражениях в Молдавии и Бессарабии, а с ноября 1807 по февраль 1809 г. командовал 9 лодками флотилии Галацкого отряда. В мае 1812 г. он был переведен в Балаклавский батальон⁵⁶. Следующим по старшинству был командир роты, штабс-капитан Феофил Александров сын Курчили, 54 лет, “из беломорских греков”⁵⁷. По Высочайшему приказу он был определен поручиком в 3 Чугуевский полк, в 1788 г. Курчили принимал участие в сражениях против Оттоманской порты в Средиземноморье под командованием генерал-майора В. С. Томары. В 1799 г. по “высочайшему повелению отставлен от службы штабс-ротмистром”, а в 1801 г. он был переведен в Балаклавский батальон. Аудитором батальона был титулярный советник Федот Васильев сын Курина, 39 лет, “из малороссийских старшинских детей”.⁵⁸ Он поступил на службу в Греческий полк сержантом-аудитором в 1790 г. В 1791 г. Курин служил на Черноморском флоте, где был в “кампаниях и сражениях”. В 1804 г. он был назначен губернским секретарем, а в 1808 г. стал титулярным советником. За время долголетней службы в Балаклавском батальоне малоросс Федот Курин сроднился с греками: он не только научился говорить по-гречески и по-турецки, но и женился на гречанке Ирине Лугонской, сестре своего сослуживца – адъютанта батальона подпоручика Леонтия Лугонского. Адъютантом батальона являлся подпоручик Леонтий Петров сын Лугонского, 41 лет, из дворян Киевской губер-

нии. Он начинал свою карьеру в гражданской службе регистратором, а в 1804 году был определен в батальон прапорщиком⁵⁹. Нельзя не вспомнить о командире еще одной роты, роты “Васильева”, – поручику Христофоре Васильеве, сыне Васильева, 58 лет, “острова Мореи из греков”. В службу он вступил раньше других, в 1771 г. С 1771–1773 гг. сражался в Архипелаге, в 1774–1778 уже был в Крыму “при усмирении татар”, затем был на флотилии на Очаковском лимане и принимал участие в штурме крепости Очаков, а также “в Польше в армии в кампаниях против Франции в сражении был”⁶⁰. Добавим еще один штрих к биографии Васильева – он был отцом самого большого семейства, состоявшего из 8 душ. Его старший сын Афанасий служил в том же батальоне, а дома командира роты ждали еще младшие дети – трое мальчиков и трое девочек⁶¹.

Определенный интерес представляют формулярные списки еще нескольких офицеров – Афанасия Манияти, Христофора Треглазова и Михайлы Мавромихали. Поручик Афанасий Дмитриев сын Манияти, 41 год, провел более десяти лет в турецких тюрьмах (!). Этот уроженец “острова Мореи из греков”, вступил на русскую службу рядовым в 1782 г. на Средиземноморскую флотилию, принимал участие в сражениях под командованием Ламбро Качиони 6 и 7 мая 1790 г. с турецким и алжирским флотами. Был взят турками в плен и “в оном находился по 802-й г.”. В 1810 г. он снова принял участие в военных действиях, находясь в составе десантной группы Черноморского флота “при берегах анадоллийских”⁶². Его антиподом в каком-то смысле был поручик Христофор Алексеев сын Треглазов, 55 лет, отсидевший больше года под судом “по сумнению в смертоубийстве” в 1806–1807 гг. Кроме этой сомнительной характеристики, бросающей тень на честь офицера, стоит отметить, что Треглазов отличился при штурме крепости Очаков, за что был награжден золотым георгиевским крестом⁶³. Младшим офицером в батальоне служил и сын его первого командира Стефана Мавромихали, прапорщик Михаил Мавромихали. В его формулярном деле записано, что Михайла Степанов сын Мавромихали, 41 год, “греческой нации полуострова Мореи из дворян”. Он поступил на службу в 1788 г. унтер-офицером, в 1790 г. сражался на эскадре Ламбро Качони, затем был определен в Одесский греческий пехотный батальон, участвовал в бесславном походе Черноморского флота к Трапезунду, а в 1811 г., по предписанию дюка Ришелье, зачислен в Балаклавский батальон “сверх комплекта”⁶⁴, то есть без жалования.

Важно отметить новую тенденцию в истории Балаклавского пехотного батальона, отчетливо проявившуюся к началу 1812 г.: военно-служащие-ветераны, записанные в графе “из архипелагских греков” постепенно умирали или выходили в отставку, а на их место прихо-

дило новое поколение греков, рожденных уже в Крыму. И, если среди офицерского и унтер-офицерского состава еще преобладали люди, начавшие свою службу в русской армии и на флоте еще во времена Архипелагских экспедиций в 1770–1789 гг., то уже среднее и молодое поколение было широко представлено “служительскими детьми” и “служительскими родственниками”. Согласно Своду военных постановлений (статья 2693, Том II, образование военных учреждений), батальон, по мере убыли людей, комплектовался из греков, населявших Балаклаву и обращенных в военных поселян, а также их детей в порядке очередности. В виде исключения разрешалось отбывать воинскую повинность за очередника, который был обязан внести определенную плату, желающему вместо него нести службу. В военное время все принадлежащие к составу батальона, в том числе находящиеся в резерве, становились под ружье⁶⁵. Особенно большое пополнение личного состава произошло в период с 1809–1812 гг., когда в батальон влилось много 20–30-ти летних солдат – 95 человек. К 1812 г. они составляли примерно треть всех нижних чинов. В 1812 г., к примеру, на службу поступил рядовой Бамбука Яни Федоров, “из служительских детей”, отец будущего героя Крымской войны, получившего три Георгиевских креста за воинскую отвагу, Георгия Бамбуки. Среди них были и представители других национальностей. Кроме уже упомянутого “малоросса” Курина, в списке батальона фигурирует некий Ивани Петро сын Иванов, “из молдован”, женатый “на гречанке Марии”⁶⁶, унтер-офицеры Алберт Ефим Егоров “из выкрещенных турок”⁶⁷ и Афанасьев Манойла Афанасьев, 32 лет. “из болгар”⁶⁸. В то же время между военнослужащими батальона продолжал сохраняться существенный разрыв в возрасте. Так, самым старым в батальоне являлся поручик Ставриян Ятрудаки, которому в 1813 г. исполнилось 79 лет (!)⁶⁹, а самым молодым был 17-ти летний Илья Петров Ламбрино, из “служительских детей”, поступивший на службу в июле 1811 г.⁷⁰

Таблица 1.

Офицеры

Звание	Возрастная группа	Кол-во военнослужащих
капитаны	45–54	2
поручики	52–79	5
подпоручики	38–60	6

Таблиця 2.

Унтер-офицеры и рядовые

Звание	Возрастная группа	Кол-во военнослужащих
Унтер-офицеры и капралы	40–70	111
	18–40	16
Рядовые	50–72	124
	30–50	13
	17–30	130
	Всего	394

В 1812–1813 гг. батальон располагался на “временных квартирах” в Симферопольском уезде в 6 верстах от своей “штаб-квартиры” в Балаклаве⁷¹ в деревнях: Кадыкой, Карани, Комарах, Керменчике, Лаках и Алсуе. В окрестностях этих деревень были расположены земли, выделенные в свое время балаклавцам.⁷² Так что в какой-то мере они охраняли и собственное имущество. До первой половины 1812 г. греки находились в распоряжении командира 13-й пехотной дивизии генерал-майора Гангеблова, затем их перевели под контроль гражданской администрации Таврической губернии. Временная перемена субординации была связана с решением целого ряда социально-политических задач: во-первых, надзором за крымскими татарами, во-вторых, организацией карантинного оцепления во время эпидемии чумы, вспыхнувшей в Новоросии в конце 1812 г.

Отдельно стоит остановиться на эпизоде, который до сих пор в исторической литературе преподносится как “бунт” татар. В такой трактовке он возник под пером Н.Сафонова, создавшим первое полноценное описание истории Балаклавского батальона. По словам Сафонова, в 1812 г. майор Ф.Д.Ревелиоти⁷³ с небольшим числом греков разогнал в Байдарской долине мятежных татар, “ослепленных обманчивыми и пустыми надеждами” в связи с вторжением наполеоновской армады в Россию, “многих из них предав в руки правосудия и положив конец возникшим беспорядкам”.⁷⁴ Сафонову вторили и другие авторы. К примеру, Олимпиада Шишкина считала, что крымские татары, “забыв благодеяния русских государей, по вражде к христианам, вздумали отложиться от России”⁷⁵. Подобное толкование событий, вызывающее ассоциации о каком-то масштабном партизанском сопротивлении в тылу русских войск и соответствующих карательных акциях со стороны властей, до сих пор встречается в трудах современных исследователей. Но так ли было на самом деле? Есть все основания усомниться в версии Сафонова и его последователей.

В терминологии XIX в. любые действия, направленные на сопротивление власти, по законам, изданным еще Петром Великим, определялись как бунт и нарушение установленного социального порядка. В реальности “бунтом” было названо дело № 119 за 1813 г. канцелярии Таврического губернатора “О сопротивлении горских татар при наборе ратников в силу высочайшей воли для укомплектования Симферопольского, Феодосийского и Перекопского полков” (ныне Ф. 26 и Ф. 27 Государственного архива Крыма)⁷⁶. Череда войн, следовавших одна за другой, опустошили Таврическую губернию. Край обезлюдел, торговля практически прекратилась, коммуникации из-за эпидемии чумы с остальной частью России были нарушены. В этих условиях объявленный властями дополнительный набор ратников для доукомплектования четырех конных татарских полков, вызвал серьезное социальное напряжение в наиболее зажиточных татарских волостях Симферопольского уезда – Актачинской, Мохолдурской и Чоргунской.⁷⁷ Ситуация усугубилась еще и тем, что добровольно-принудительный набор был объявлен посреди сезона сбора урожая в губернии, пережившей несколько неурожайных лет, крайне холодную зиму и засушливое лето⁷⁸. Подчеркнем, что татары были основной тягловой силой экономики Таврической губернии. Кроме бремени текущих налогов и податей, они выставляли ратников, оплачивали содержание почт и карантинных, отбывали земские повинности, несли караулы, предоставляли квартиры и топливо для проходящих войск, неоднократно жертвовали денежные средства для ополчения. Татары справедливо негодовали, что “в прошлом году они принесли государю большое денежное пожертвование, а крымское дворянство, не следуя им в этом случае, вместо денежного пожертвования, предоставило лишь себя для защиты России”, но государь своим манифестом исключил Таврическую губернию от формирования ратников. Под круговой порукой татары поклялись “ни в каком случае не давать ратников, хотя бы пришли к ним войска”, усматривая в действиях местных властей самоуправство и желание выслужиться перед Петербургом.⁷⁹ 7 июня 1813 г. через своих выборных они подали петицию губернатору Бороздину, в которой, указывая на свое бедственное положение, просили освободить их от сбора ратников⁸⁰. Два человека, явившиеся к губернатору с посланием, были посажены им в тюрьму. Попытки Бороздина лично и через мусульманское духовенство увещевать татар не дали желаемого результата, а наоборот, вызвали обратную реакцию. “Бунтовщики дошли до такого буйства, – указывал А. М. Бороздин в своем рапорте на имя Ришелье, – что угрожали жечь дома тех, кто не явится в их скопище”⁸¹. В качестве превентивных мер, чтобы “предупредить распространение этого зла со стороны этих весьма опасных людей”, губернатор срочно вытребовал из Севастополя войска. В этой полицейской операции

приняли участие один батальон 4-го морского полка, несколько рот Галицкого пехотного полка, рота Балаклавского греческого батальона и казаки Черноморского войска. Шесть рот морского полка вместе с двумя ротами Галицкого, переправившись через Северную бухту, пошли маршем на Бахчисарай, а “остальные две роты с присоединением албанцев из Балаклавы – мимо Чоргуна, деревни Шулю, Каралез и Буюк-Сюрен, тоже к Бахчисараю”⁸². Таким образом, район волнений – Бахчисарай и Байдарская долина – были окружены. Принятые решительные меры и, главное, быстрый приход войск охладили пыл татар. Уже к началу июня Бороздин доносил Ришелье, что “неприятная история кончилась успешно”, а главные зачинщики неповиновения (14 человек) были отправлены в Симферополь в тюрьму⁸³. Остальные участники дела находились по месту жительства под надзором. Все они были амнистированы в 1814 г. в силу “высочайшего манифеста”. О малозначительности этого эпизода для боевой истории Балаклавского греческого пехотного батальона говорит и отсутствие упоминания о нем в формулярных делах Ревелиоти и других военнослужащих батальона за 1813–1816 гг.

Кроме “усмирения” татар, Балаклавский греческий батальон оказал действительно важную услугу во время вспышки чумы в 1812 г., содержа в исправности протяженную цепь карантинных кордонов от Севастополя до Судака “на расстоянии 218 верст”. Организация и проведение мероприятий по предупреждению и ликвидации чумы стала самой главной задачей для герцога Ришелье, обратившего “весь край в целый ряд строгих карантин”⁸⁴. Тем более, “по общему недостатку в войсках”, выполнение подобной задачи было “сопряжено с большими затруднениями”.⁸⁵ О том, что карантинная служба была не из легких, свидетельствует рапорт Ф.Ревелиоти от 6 июля 1813 г. в инспекторский департамент Военного министерства, в котором он объяснял задержку со своевременным представлением регулярных данных о батальоне за 1812 год ссылкой на сложные “карантинные обстоятельства в Крыму”.⁸⁶ Только за 1812 г. от различных болезней умерло 13 военнослужащих батальона, а один из солдат во время дежурства, сорвался в пропасть и погиб в районе Камышовой бухты.⁸⁷ В целом же 1813 г., по выражению Сафонова, первого летописца Балаклавского батальона, прошел спокойно⁸⁸. 26-го Апреля 1814 г. с разрешения военного министра структура батальона была доведена до четырех рот. В ее состав поступили, “как прежние выходцы из Архипелага, так и другие Греки, приписавшиеся к батальону”. Как представляется, это решение было принято вовсе не из-за “недостатка нижних чинов” в батальоне. В нем числилось достаточное количество сверхкомплектных офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов. А с 1806 г., как мы показали, начался плановый процесс обновления и ротации личного состава. Увольняли

в отставку по представлению батальонного командира по предписанию Инспекторского департамента военного министерства, а зачисляли “на место уволенных и исключенных из баталиона того же числа в отставку нижних чинов”. Так, 1 января 1814 г. в батальон прибыло 38 человек: 1 подпоручик (Аргирий Дракопуло) и 37 рядовых, а убыло 45 унтер-офицеров и 25 рядовых.⁸⁹ В следующем, 1815 г., список Балаклавского Греческого пехотного батальона пополнился еще 3 офицерами и 25 рядовыми, а убыло 5 унтер-офицеров и 14 рядовых.⁹⁰

Основная причина формирования четвертой роты, как мы полагаем, была связана с попыткой военных и гражданских властей Новороссии решить судьбу одесских греков. Еще в 1806 г. дюк Ришелье полагал “лучшим и полезным” присоединить Одесский батальон к Балаклавскому, но с началом активной фазы русско-турецкой войны, в которой участвовали одесситы, этот вопрос отошел на задний план. К 1814 г. ситуация с Одесским греческим пехотным батальоном обострилась. За семь лет службы на Дунайской флотилии при крепости Килии, где военнослужащие батальона тянули лямку на брандвахтенных постах, его численность сократилась вдвое. Вынужденное бездействие и плохие климатические условия (болотистая местность и т. п.) оказывали деморализующее воздействие на нижних чинов. Только за год в Измаильском морском лазарете от “горячки, цынготной, венерической” болезней умерло 9 рядовых и унтер-офицеров, участились и случаи дезертирства: с февраля 1813 по август 1813 г. из батальона сбежало 14 человек, а в первой половине 1814 г. еще два унтер-офицера.⁹¹ Батальон таял на глазах. От 165 нижних чинов, состоящих на службе в 1807 г., в 1814 г. осталось только 39 унтер-офицеров и 41 рядовых. Таким образом, на одного офицера в батальоне приходилось всего четверо рядовых. Понимая неизбежность распада этой воинской части, герцог Ришелье инициировал перевод в Балаклаву наиболее дееспособных офицеров. Например, в 1813 г. в Балаклавский пехотный батальон по его решению были переведены подпоручик Дмитрий Егоров, “из греческой нации города Константинополя”, выпускник Корпуса чужестранных единоверцев и его сослуживцы подпоручики Афанасий Маларов и Михайла Мавромихали.⁹² Логическим завершением этого процесса стал указ об окончательном расформировании Одесского греческого пехотного батальона в 1819 г. по причине того, что “имея весьма малое количество нижних чинов, не приносит для службы никакой пользы”, и присоединении его бывших военнослужащих к Балаклавскому пехотному батальону.⁹³

Еще одной вехой в истории Балаклавского батальона в первой четверти XIX в. стал приезд в Крым в 1818 г. императора Александра I. Новый начальник Новороссийского края граф Ланжерон представил записку о нуждах батальона. С самим батальоном царь непосредственно

ознакомился в Бахичасарае, где бравые балаклавцы содержали караулы. Вскоре последовал Высочайший указ на имя начальника главного штаба, генерал-адъютанта князя Волконского, в котором предписывалось улучшить содержание батальона “во внимание с одной стороны к военным заслугам, коими батальон сей издавна отличается, а с другой к той пользе, которую он приносит, держа постоянно по берегу Черного моря кордонную стражу на значащем пространстве Крымского полуострова”.⁹⁴ Грекам были отведены дополнительные 14,512 десятин земли, повышено жалование штаб и обер-офицерам, установлено содержание вдовам и малолетним детям умерших военнослужащих, учреждено отделение Военно-сиротской школы для детей офицеров и нижних чинов. Кроме того, царь разрешил грекам заниматься коммерцией.

С этого момента, по словам С. Сафонова, Балаклавский батальон получил свое “законченное устройство и соответствующее назначение”.

Приложение 1.

РГВИА. Ф. 489 Оп.1. Д. 66. Л.2-4

Формулярный Список о Службе и достоинстве Греческого пехотного Баталиона подполковника Феодосия Дмитриева сына Ревелиоти

Генваря 12-го дня 1813 Года

Чин Имя с отчеством и прозванием:

Подполковник; Баталионный командир

Феодосий Дмитриев сын Ревелиоти

Сколько от роду лет

48

Из какого состояния будет из дворян в которых губерниях и уездах сколько имеет мужского пола душ крестьян:

Острова Мореи из дворян

В службу вступил и в оной какими чинами происходил и когда:

Чины

В службу прапорщиком 787 Октября 20 в Средиземном море с Гребной флотилии

Порутчиком 791 Мая 20 791

Капитаном 797 Генваря 31 Из оной по переводу поступил в сей Баталион с награждением Капитанского чина

Маиором 808 августа 27 В сем баталионе

Подполковником 812 февраля 10

Во время службы находился в походах и делах против неприятеля где и когда был:

Находясь в команде Командира флотилии Г-на полковника Ламбро Качони на судне Минерпа сперва в Архипелаге во время прошедшей с Портою Оттоманской войны, 788 Июля 13 го в сражении с турецким судном под островом Занте – которое пленили, с августа 20-го в сражении с турецкой флотилией между островами Родос и Спарпафтос 789 го апреля 8-го на том же судне отправился в Средиземное море Мая 6-го в сражении с турецким

флотом под островом Тино, Октября 12-го в сражении с двумя Турецкими Эскадрами под островом Тасом, 790-го года св море с Маяя 6-го и 7-го и числе в сражении с турецким и алжирскими флотами между островами Андрос и Исадора⁹⁵, где получил рану в голову саблею во время абордажа; 807-го года во во время бывших в Крыму военно-политических обстоятельств употреблялся в онья по препорученностям Г-на адмирала и кавалера Маркиза Детраверсе, и сверх того по повелению г-на Генерал Леитинанта Пущина 1-го имел в распоряжении своем все состоящие по южному берегу Чернаго моря от Севастополя до города Феодосии кардоны и все посты; и напоследок 1810-го года Сентября с 28-го по повелению Брегаднаго Командира 13-й дивизии в Крыму расположенных Генерал Майора Гангеблова отправился с двумя Обер Офицерами и тридцатью тремя человеками нижних военно-служителей Балаклавскаго Греческаго Баталиона на флоте Черноморском. На нем приыввши к анадольским берегам под город Платан где по распределению сухопутных войск бывших на флоте для десанта Г-ном Генерал Майором Панчулидзевым 1-м по поручению коего Октября 17-го дня отправился с препорученным отрядом для десанта гребными судами на анадольский берег к Платану, где с всевозможною поспешностию сошедши на берег выгнал неприятеля из закрытых кустарниками скрытных лажементов, и поражая онаго невзирая на превосходную силу коего было более четырех тысяч человек, напал на неприятельскую батарею из трех пушек состоящую, сбил с оной неприятеля при нападении **(и овладев оную)** на оную заклепал(и) пушки, при взятии которой батареи ранен двумя пулями в правый бок и одною в правую руку, потом возвратившись с флотом в Севастополь 29-го Октября и прибыл к Баталиону.

Российской грамотой читать и писать и другие науки знает ли:

Грамоте по российски и гречески читать и писать и часть арифметики знает

В домовых отпуска был ли и когда именно на какое время и какого срока:

Не был

В штрафах был по суду или без суда за что именно и когда:

Не был

Холост или женат имеет ли детей:

У него жена Анна Мария 31-го года дочери Елена 10 Аспасия 3-х

В комплекте или сверхкомплекта при баталионе или в отлучке где именно по чему повелению и с какого года находится:

В комплекте при баталионе и налицо.

Приложение 2.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 136. Д. 294. Л.7-10.

“Об увольнении от службы за ранами Командира Балаклавского греческого пехотного баталиона, Генерал Майора Ревелиоти с следующими ему по положению наградами; о пожаловании сверх того земли 1800 десятин, и о назначении на сею место Командиром того баталиона Майора Качиони”

23 октября 1830 г. № 83407

По III Отделению Инспекторского Департамента Главного Штаба Его Императорского Величества.

Генерал Маиор Ревелиоти из дворян Полуострова Мореи Города Триполици, состоит в вечном России подданстве, в службу вступил:

Прапорщиком	787 Октября 20	В Средиземном море в Гребной флотилии
Порутчиком	791 Маия _	
Капитаном с переводом	797 Генваря 31	В Балаклавском Греческом пехотном баталионе
Маиором	808 Августа 27	
Баталионным командиром	809 Ноября 22	
Попдолковником	812 Февралья 10	
Полковником	818 Маия 18	
Генерал Маиором	829 Июня 25	

Всего в службе и в офицерских чинах состоит 42 года и 11 ½ месяцев.

В настоящем чине Генерал Маиора 1 год и 3 ½ месяцев.

Был в походах в 787, 789, 790, 807 и 810 противу турок; в 790 ранен в голову саблею, и в 810 двумя пулями в правый бок и получил контузию пулею в левую руку.

В штрафах и под судом не был.

К повышению аттестуется достойным.

От роду ему 65 лет.

Имеет ордена св.Георгрия 4-го Класа, св. Владимира 4 степени и Св. Анны 2-й степени с алмазами, пожалованные ему первые двое за выслугу лет и последний за отличное усердие по службе, сверх сего в 1810 году пожаловано на лечение ран 1000 руб.

Окладнаго жалованья получает по 1800 руб. и столовых по 500 руб. в год. Справка по Уставу 6-го декабря 1827 года воинские Генерал маиоры, получающие сверх жалования столовые деньги и прослужившие более 35 лет получают в пенсион полный оклад 2-го разряда т.есть по 3/т. руб. в год. Высочайшим повелением в августе 1829 года назначено: всем тем увольняемым от службы Генералам и Штаб офицерам, как пользовались на службе жалованием и столовыми деньгами и имеют право на пенсии, определенные в расписании при уставе изданном, но по их жалованье и столовые деньги на службе составляют менее окладов значущихся по тому расписанию, давать пенсии не по расписанию, а по мере оклада и жалования и столовых денег производимых каждому.

На сем основании Генерал маиору Ревелиоти, при увольнении от службы, следует пенсия по 2300 в год и мундир о награждении же его испрашиваемую землю представляется на благоусмотрение.

Дежурный Генерал (подпись неразборчива).

¹ Бороздна Иван. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма (письма в стихах). – М., 1837. – С. 174.

² “...Россия пользовалась греками почти каждый раз, когда возникали осложнения и войны с Турцией, – подытоживал автор статьи в многотомной энциклопедии “История русской армии и флота”. – Подстрекаемые и соблазняемые нашими агентами, игравшими на единоверии и обещаниях политической свободы, греки каждый раз приходили России на помощь, своими восстаниями оттягивали на себя значительную часть турецких сил, но по окончанию русско-турецких войн на их головы обрушивалось жестокое мщение турок” // Н. Д. Каллистов. Греческий вопрос, как наследие, доставшееся императору Николаю I от предыдущего царствования // История русской армии и флота: Том IX. Типолитография т-ва “Владимир Чичерин”. – М., 1913. – С. 180–181.

³ Занятие Балаклавы // Кондараки В. Х. История Крымской войны с частными эпизодами. – М., 1883. – С. 6–8.

⁴ Занятие Балаклавы // Кондараки В. Х. История Крымской войны с частными эпизодами. – М., 1883. – Там же.

⁵ Первые подразделения были созданы на базе одноименной племенной группировки арабского племени кабиллов. – Автор.

⁶ “Сведения об арнаутах и албанцах, т. е. греках-переселенцах, ныне Балаклавском греческом батальоне, были доставлены ст. сов. Фабру от Г. М. Ревелиоти, бывшего их командиром” // Скальковский А. История Новороссийского края 1730–1823. Часть 1. С 1731-го по 1796-й. – Одесса, 1836. – С. 255.

⁷ № 14.284. – Марта 28. Именно, данный Генералу Графу Орлову. “О дозволении служившим во флоте под предводительством его Грекам поселиться в городах Керчи и Еникалп с предоставлением им особых выгод” // **Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. – Том XX. 1775–1780 гг.** – СПб., 1830. – С. 101–104.

⁸ Там же. – С. 126–127.

⁹ № 15.929. – февраля 10. – “О устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии” // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. – Том XXII. 1784–1788 гг. – СПб., 1830. – С. 22.

¹⁰ № 14.901. – Августа 3. Высочайше утвержденный доклад Президента Военной Коллегии Князя Потемкина. “О сформировании одного пехотного Греческого полка из Албанского войска” // Там же. – С. 855.

¹¹ Ордера князя Потемкина. 1786 г. (Продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии (далее – ИТУАК). – Том 4. – Симферополь, 1897. – С. 6–7.

¹² Там же. – С. 22.

¹³ Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // ИТАУК. – Том 3 (1897 [II]). – С. 20–21; По ведомости, поданной Чапони Потемкину, в Албанском войске 69 человек были из “малороссиян, гусар и крымских греков”.

¹⁴ “Армия императрицы Екатерины II более беспорядочная толпа, нежели правильно устроенное войско. Процветает масса злоупотреблений, вкравшихся во все отрасли управления войсками. Большинство высших генералов постоянно живут в столице, оставивших войска на свои штабы. Многие офицеры постоянно живут в своих имениях, отдавая за это свое жалованье своим командирам. Солдаты, знающие ремесла постоянно живут

и работают в именах своих начальников. Я насчитал до 50 тысяч таких отсутствующих солдат. В Лейб-гвардии Преображенском полку состоит 8 полковников, 26 подполковников и 6 тысяч унтер-офицеров дворян на 3 с половиной тысячи рядовых. Но каждый день в полку я вижу только одного майора, несколько писарей” // Записки генерала Н. А. Саблукова о временах императора Павла и о кончине этого государя. Николай Александрович Саблуков, Фонд “Преображение”. – М., 2002. – С. 115.

¹⁵ Чечулин Н. Д. Очерки по истории финансов в царствование Екатерины II. – СПб., 1906. – С. 313, 344–374.

¹⁶ 18.227. – Октября 29. Именной, данный Генералу от Инфантерии Графу Каховскому. – О наделении служащих в Греческом полку землями, лежащими по берегу моря, и о бытии ими военными поселянами // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XLIII. Часть 1. Книга штатов 1797 год. Отделение первое. – СПб., 1830. – С. 785.

¹⁷ 17.774. – Генваря 30. Именной, данный Президенту Военной Коллегии. О принятии поселенного в Таврии Греческого полка в ведомство Военной Коллегии, и о именовании онаго Греческим баталионом // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXIV. 6 ноября 1796–1798 гг. – СПб., 1830. – С. 312.

¹⁸ К № 17.915. – Апреля 13. – Именной, объявленный Военной Коллегии, Президентом оной. – О воспоследовании Высочайшего утверждения на положение Греческого пехотного баталиона // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XLIII. Часть 1. Книга штатов 1797 год. Отделение первое. – СПб., 1830. – С. 20–21; См. также: № 17.915. – 13 Апреля – О воспоследовании Высочайшего утверждения на положение Греческого пехотного баталиона // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXIV. 6 ноября 1796–1798 гг. – С. 790.

¹⁹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XLIII. Часть 1. Книга штатов 1797 год. Отделение первое. – СПб., 1830. – С. 785.

²⁰ Кибовский А. В., Леонов О. Г. 300 лет российской морской пехоте. – М., 2007. – Т. I (1705–1855). – С. 88–108.

²¹ В десантных операциях в Средиземном море во время Адриатических походов адмирала Сенявина активное участие принимали сулиты, переселившиеся на о-в Корфу и составившие Албанское войско. В 1807 г. с согласия русского правительства они перешли на службу к Франции, с “условием не быть употребленными против России” // Военно-энциклопедический лексикон. Часть первая. – СПб., 1837. – С. 224.

²² Бутурлин Дмитрий Петрович. Картина войн России с Турцией в царствования императрицы Екатерины II и императора Александра I. Часть первая. Издательство: Тип. Императорского Воспитат. Дома. – СПб., 1829. – С. 126–128; Михайловский-Данилевский, Александр Иванович Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 год. – СПб.: Типография штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1843. – С. 126–132; Петров Андрей Николаевич. Война России с Турцией 1806-1812 гг. Том I. – Издательство: Военная Тип. – СПб., 1885. – С. 232–234; Савваитов Павел Иванович. Взятие Анапы эскадрой Черноморского флота, под командою контр-адмирала С. А. Пустошкина в 1807 году. Издательство: Тип. Военно-Учебных Заведений. – СПб., 1851.

²³ Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 до 1812 года. Ч. 1. – СПб.: Тип. штаба отд. корпуса внутр. стражи, 1843. – С. 88–92.

²⁴ “Именные и формулярные списки офицеров и солдат Балаклавского греческого пехотного батальона за 1812 г.”. 1 января 1813г. // РГВИА, ф. 489 (Т.1. ч. 1), оп. 1, д. 66, л. 93.

²⁵ Там же, л. 115.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 104 об.

²⁸ Там же, л. 106 об.

²⁹ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 68, л. 134 об.–135.

³⁰ Казачьи войска. Издательство: Тип. В. Д. Смирнова. – СПб., 1912. – С. 23–24.

³¹ Семен Егорович Гангеблов (24.5.1757–17.2.1827), генерал-майор, шеф 13-го егерского полка (ставшего с 8 марта 1800 12-м егерским полком). В 1807 участвовал в боях с горцами на Кавказе, в 1810 – в неудачной десантной операции под Трапезундом.

³² Там же. – С. 126–132; Петров А. Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Том III. – СПб., 1887. – С. 232–234.

³³ Формулярный список о службе и достоинстве командира Балаклавского Греческого пехотного полка подполковника Феодосия Дмитриева сына Ревелиоти // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 66, л. 2–4.

³⁴ Теохариди Т. Ю. Греческая военная колонизация на юге Украины // Греки и Россия в XVIII–XIX вв. – СПб., 2007. – С. 179–183.

³⁵ Послужной список Одесского Греческого пехотного батальона о службе и достоинстве командующего оным батальоном Майора За вторую половину 1813 года // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 68, 1814, л. 2–3 об.

³⁶ РГВИА, ф. 395, оп. 136, д. 294, л. 3 об.

³⁷ Андрей Семёнович Фенш (Феньш, Феншоу, англ. Fenshaw) (1757–1828) – российский генерал, участник русско-турецкой и русско-шведской войн. С 4 марта 1804 года по 20 ноября 1807 года был феодосийским градоначальником.

³⁸ Петров Андрей Николаевич. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Том I. Военная Тип. – СПб., 1885. – С. 326–330.

³⁹ Выписка из журнала Комитет министров 2 февраля 1810 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. Том XXXI. Приложение. – СПб., 1830. – С. 3–4.

⁴⁰ Скальковский А. А. Торговая промышленность в Новороссийском крае. – СПб., 1851. – С. 10.

⁴¹ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение Истории Новороссийского Края 1730–1823. Часть 2. – Одесса, 1836. – С. 173–175.

⁴² А. Скальковский. Торговая промышленность в Новороссийском крае. – С. 20–21.

⁴³ Бороздна Иван. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма (письма в стихах). – М., 1837. – С. 212.

⁴⁴ Сумароков, Павел. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – М., 1800. – С. 111–112.

⁴⁵ “Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба”. Том 11, часть 2. 1849. – С. 110–111; Согласно ведомости Новорос-

сийской казенной палаты от 18 августа 1802 г. “в местечке Балаклаве греческого войска окладом не обложенных по силе дарованных им привилегий” насчитывалось 995 душ // Лашков Ф.Ф. К вопросу о населении Таврической губернии в начале XIX в. Столетия // ИТУАК, № 53. – Симферополь, 1916. – С. 168–172. Поэтому сложно поверить в рассказ адъютанта Ришелье графа Рошешуара, проводившего вместе со своим начальником осенью 1811 г. инспекторский смотр Балаклавского батальона, о численности подразделения в 1100 человек. Греки, по словам графа, показали себя во время смотра и маневров с лучшей стороны: “по нашему настоянию командир батальона сделал примерный приступ и взял крепость” // Rochechouart L. Souvenirs sur la Revolution, l’Empire et la Restauration par le general comte de Rochechouart. – Paris, 1933. – P. 166, 167. Пер. с фр. Д. И. Горшкова, 2006 г. // Военно-исторический журнал, № 8, 2008; также *Рошешуар Л.-Г.* Из воспоминаний графа Рошешуара. Извлечения // Русский архив, 1890. – Кн. 1. – Вып. 4. – С. 473–500.

⁴⁶ Балаклава // Городские поселения в Российской империи. – Т. 4. – СПб., 1864. – С. 723.

⁴⁷ Командир батальона также выполнял функции и полицейского начальства. Для соблюдения порядка в городе командиром батальона по очереди назначался один из офицеров, “дежурный по батальону”. Определенными элементами демократизма, издавна присущими греческому социуму, были институт “выборных” из числа наиболее авторитетных военных поселян и суд старейшин, решавших спорные вопросы гражданского населения.

⁴⁸ Медицинское свидетельство подписано штаб-лекарем П. Вебокозовым: “Нашли 1 на передней части головы рану, прошедшую от удара саблею и 2 две раны на правом боку пулею, из коих одна на вылет; как от ран слаб, так равно и от старости”. Ревелиоти в своем прошении отмечал, что первый раз он был ранен во время во время abordaja турецкого судна в 8 мая 1790 г. // РГВИА, ф. 395, д. 537, л. 5.

⁴⁹ *Гериков Г. В.* Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820 и начала 1821 года. – СПб., 1830. – С. 31–33.

⁵⁰ По воспоминаниям Шишкиной, во время обеда у командира батальона М. Манто они ели “какую-то зелень с оранжевыми семенами, похожую на самую нежную капусту, и вкусных морских ершей: сами они невелики, но с преобладающими головами” // Олимпиада Петровна Шишкина. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. – Том I. – М., 1848. – С. 175–177.

⁵¹ Ришелье Арман Эммануэль дю Плесси (1766–1822), в 1805–1814 гг. ген.-губернатор Новороссии, содействовал освоению края и развитию Одессы. В указанный период являлся еще Херсонским военным губернатором.

⁵² № 24413 а. 9 ноября 1810 г. – “Об обращении Греческий Одесского и Балаклавского баталионов в военные поселения” // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. – Том XXXI. Приложение. – СПб., 1830. – С. 2–4.

⁵³ Албанские войска в России // Военный энциклопедический лексикон. – Том I. – СПб., 1852. – С. 217.

⁵⁴ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 65, л. 2.

⁵⁵ Майор Христо Кирико руководил батальоном с 19 марта 1803 г. по ноябрь 1809, вплоть до “дня увольнения в отечество” // ЗООИД, Том первый. – Одесса, 1844. – С. 238.

⁵⁶ “Формулярный список о службе и достоинстве Балаклавского греческого пехотного баталиона капитана, штабс-капитана и аудитора титулярного советника. Генваря 8-го дня 1812 года” // ф. 489, оп. 1, д. 66, л. 5 об.–6.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ “Формулярный список о службе и достоинстве Балаклавского греческого пехотного баталиона капитана, штабс-капитана и аудитора титулярного советника. Генваря 8-го дня 1812 года” // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 66, л. 13.

⁶⁰ Формулярный список о службе и достоинстве Балаклавского Греческого пехотного баталиона поручиков // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 66, л. 9.

⁶¹ “У него жена Мария 34, сыны Афанасий, 21 в сем баталионе на службе, Михайла 10, Спиро 7, Костандин 5, дочери Зоица 19, Панаиота 14, Елена 2 лет” // Формулярный список о службе и достоинстве Балаклавского Греческого пехотного баталиона поручиков за 1815-й год. Генваря 1 дня 1816 года // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 68, л. 131.

⁶² Там же, л. 131 об.–132.

⁶³ Формулярный список о службе и достоинстве Балаклавского Греческого пехотного батальона поручиков за 1815-й год // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 68, л. 130 об.–131.

⁶⁴ Там же, л. 110.

⁶⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XI. Ч.2. Таврическая губерния. – СПб., 1849. – С. 38–39.

⁶⁶ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 65, л. 39.

⁶⁷ Краткий именной список по алфавиту Балаклавского Греческого пехотного баталиона нижним чинам за 1812-й год. Генваря 1 дня 1813 года // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 66, л. 20 об.

⁶⁸ Там же, л. 18 об.

⁶⁹ Формулярный список о службе и достоинстве Балаклавского Греческого пехотного баталиона поручиков // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 66, л. 8.

⁷⁰ Там же, л. 52.

⁷¹ Там же, л. 3 об.–4.

⁷² *Шавшин В.* Балаклава. – Симферополь, 1994. – С. 20.

⁷³ Генерал-майор Феодосий Ревелиоти был командиром Балаклавского пехотного батальона с 20.10.1809 г. по 3.02.1831 г. // С. Сафонов. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы // ЗООИД. – Т. 1. – Одесса, 1844. – С. 238; Согласно формулярным спискам, Ревелиоти был назначен батальонным командиром не в октябре, а ноябре 1809 г. – автор.

⁷⁴ С. Сафонов. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы // ЗООИД. – Т. 1. – Одесса, 1844. – С. 230.

⁷⁵ Шишкина Олимпиада // Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. – Том 1. – СПб., 1848. – С. 168–169.

⁷⁶ *Маркевич А. И.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк. ИТУАК. – Том 49. – Симферополь, 1913. – С. 82.

⁷⁷ Там же. – С. 75.

⁷⁸ *Скальковский А.* Хронологическое обозрение Истории Новороссийского Края 1730–1823. – Часть 2. – Одесса, 1836. – С. 227–230.

⁷⁹ *Маркевич А.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк (по архивным мате-

риалам) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Том 49. – Симферополь, 1913. – С. 73–74.

⁸⁰ Прощение жителей Мухулдурской волости Таврическому губернатору // Там же. – С. 81–82.

⁸¹ *Маркевич А.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк (по архивным материалам) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Том 49. – Симферополь, 1913. – С. 75.

⁸² Там же. – С. 77.

⁸³ Там же. – С. 80.

⁸⁴ *Скальковский А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730–1823. – Часть II. С 1796 по 1823. Одесса, 1838. – С. 221.

⁸⁵ *С. Сафонов.* Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы // ЗООИД. – Т. 1. – Одесса, 1844. – С. 230–231.

⁸⁶ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 66, л. 126.

⁸⁷ Там же, л. 125.

⁸⁸ *С. Сафонов.* – С. 232.

⁸⁹ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 68, л. 120–122.

⁹⁰ Там же, л. 150 об.

⁹¹ Там же, л. 64–64 об.

⁹² Там же, л. 133 об.–134.

⁹³ 27.812. – Мая 24. О присоединении офицеров и нижних чинов Одесского Греческого баталиона к Балаклавскому пехотному баталиону // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. – Том XXXVI. 1819 г. – СПб., 1830. – С. 203.

⁹⁴ № 27.507 – августа 25 – “Об улучшении содержания Балаклавского греческого пехотного баталиона” // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг., Том XXXV. 1818 г. – СПб., 1830. – С. 545–546.

⁹⁵ Ипадора – предположительно, это мыс Кафиреас или Каво д’ Оро (остров Эвбея). – Автор.